

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Шрамко Б. А. К вопросу о взаимоотношениях племен степной и лесостепной Скифии // Проблеми історії та археології України. Збірник матеріалів Міжнародної наукової конференції до 100-річчя XII Археологічного з'їзду в м. Харкові 25 – 26 жовтня 2003 р. – Харків: Східно-регіональний центр гуманітарно-освітніх ініціатив, 2003. – С. 49 – 51.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дано електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,

Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,

історичний факультет. E-mail: istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництво

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський; А. О. Баскакова

Розкопками було встановлено, що поява майдану належить до більш пізнього часу щодо городища. Майданна яма розрізала вал городища вздовж, близче до внутрішнього боку, насипаного попелястим ґрунтом. Зовнішній масив валу, що складався з глини, залишився незайманим. Відповідно будівничих майдану цікавив саме попелястий шар, який вони, відкопавши з валу, розмістили досить симетрично. Вся споруда вказувала на системність і обдуманість роботи. На думку В. О. Городцова, зв'язок майданів з городищем випадковий, це підтверджується повною відсутністю подібних споруд у Східному городищі та валах Великого городища (лише в одному місці збереглася довга яма без валів) [3, с. 10].

Слід зауважити, що Б. А. Шрамком у валу городища була досліджена майданоподібна споруда, в якій збереглися залишки стовпів та дошок, що обличковували приміщення з середини. Воно могло використовуватися в давнину гарнізоном фортеці чи місцем зберігання припасів [2, с. 30-31]. Крім великих майданних ям, у валах зустрічаються й менші заглибини, також розташовані із внутрішнього боку, врізаються у попелястий шар, але, за словами місцевих жителів, вони належать сучасним скарбошукачам [3, с. 10].

Одночасно В. О. Городцом було обстежено шість подібних споруд на Саранчевому полі. На одній з них в 1906 р. під час оранки місцевим жителем знайдено дві срібні монети. Одну з них вдалося купити і датувати XVI-XVII ст. [3, с. 42]. Останній майдан і був обраний для дослідження. На ньому було закладено три траншеї (Рис.3). З їхньою допомогою визначено, що крила майдану походять з майданної ями, в них відсутній культурний шар. Сама яма і кільцевий вал дослідженні не були, тому що були засіяні пшеницею. Не маючи можливості з'ясувати відношення бокових крил до кільцевого валу на цьому майдані, роботи були перенесені на сусідній майдан. На ньому заклали чотири траншеї (Рис.4), за їх результатами зроблені висновки, що кільцевий вал за характером ґрунту подібний до насипів досліджуваних раніше курганів, а крила насипані значно пізніше за кільцевий вал [3, с. 43]. Досліджуючи кургани Скоробору, В. О. Городцов оглянув вісім майданів (Рис.5) та заклав п'ять невеликих шурфів. Поблизу майдану 8 L під час оранки знайдена ще одна срібна монета польського короля Сігізмунда.

Пізнє походження майданів із давніх курганів не викликало у дослідника жодних сумнівів. Пояснюючи руйнування курганів, В. О. Городцов звертається до письмових джерел польського історика О. Яблоновського, який свідчить, що поляки, використовуючи землю давніх насипів, виробляли тут селітру [3, с. 47].

Як вважає В. О. Городцов, це стосується лише тих випадків, коли майдани не мають звичайного плану. В інших випадках типові майдани, що складаються з кільцевого валу, заглибини — ями та бокових валів-крил виникли як наслідок діяльності скарбошукачів, які за допомогою волочні шукали скарби. Стосовно часу їх руйнування вчений використовує свідчення, надані йому С. А. Мазаракі, що і в 30-х рр. XIX ст. у Роменському повіті на Полтавщині були розкопані кургани волочнею. Крім того, сам С. А. Мазаракі розкопав не менше 18 майданів, утворених таким шляхом [3, с. 69]. Усе це і дало змогу В. О. Городцову на початку ХХ ст. дотримуватися теорії, згідно з якою майдани — стародавні кургани, розкопані скарбошукачами за допомогою волочні. Хоча його аргументи далеко не переконливі, що неодноразово відзначалося в літературі [4, с. 67].

Підводячи підсумки відзначимо, що археологічне вивчення майданів В. О. Городцом на Більському городищі та його околицях позначено низкою відкриттів, які заслуговують на загальну увагу та використання у працях дослідників. Подальші дослідження майданів, зокрема на Західному городищі, потребують окремого вивчення.

1. Мурзін В., Ролле Р., Супруненко О. Більське городище. — К.; Гамбург; Полтава, 1999.
2. Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — К., 1987.
3. Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г. // Труды XIV АС. — М., 1911. — Т.3.
4. Андрієнко В. П. Майдани і майдановидні споруди України // Вісник ХДУ. — Харків, 1971. — №62. — Історія. — Вип.5.

Шрамко Б. А.

К вопросу о взаимоотношениях племен степной и лесостепной Скифии

В современной историографии раннего железного века наблюдаются попытки распространить искусственно созданный, не имеющий опоры в источниках термин «Великая Скифия», которым обозначают якобы существовавшее мощное раннегосударственное объединение, скифскую державу или даже «кочевую империю» [1, с. 36].

Согласно концепции, выдвинутой В. Ю. Мурзиным, создание этой огромной державы было исторической необходимостью, возникшей во второй половине VII-первой половины VI вв. до н.э., когда степные кочевники-скифы овладели степями Северного Причерноморья, отрезав земледельческие племена Лесостепи от античных городов и установив свой контроль над торговым обменом земледельцев Лесостепи с греческими колониями Северного Причерноморья. Это якобы обеспечило кочевникам возможность «осуществлять прямое военное давление на племена Лесостепи», территория которых попадает под их политическое влияние. Таким образом, степные кочевники-скифы еще в архаический период VII-VI вв. до н.э. подчинили себе всю Лесостепь и установили свое господство как над степными, так и над лесостепными племенами, создав якобы единую Великую Скифию. В соответствии с этой концепцией, обитатели Лесостепи просто попали в безвыходное положение и должны были быть счастливы тем, что контролировавшие степи кочевники брали на себя труд грабить лесостепных земледельцев, включив их в состав единой Великой Скифии. Эту концепцию «вынужденного экономического симбиоза» [2, с. 24] В. Ю. Мурзин выдвигал еще в 1989 г., но она не получила поддержки специалистов, так как не была сколько-нибудь убедительно обоснована. Тем не менее этот неудачный аргумент

о контроле скифов над торговыми путями вновь повторяется в книге Великая Скифия [1, с.32]. Изначальная трудность заключалась в том, что ни письменных, ни археологических источников, подтверждающих основной тезис о завоевании и подчинении степными кочевниками-скифами населения Лесостепи нет. Да и контроль скифов над торговыми путями не оказался реально значимым фактором.

Еще в 1947 г. Б. Н. Грakov обратил внимание на торговый путь в восточном направлении, который не могли контролировать степные скифы [3, с.23-38], а Ю. В. Болтрик [4, с.30-44] показал существование независимых от скифов меридиональных торговых путей, связывавших земледельцев Лесостепи с античными городами. Б. А. Шрамко проследил ряд независимых от скифского контроля торговых путей, которые вели как к античным городам, так и на запад [5, с.48; abb, 1]. Таким образом видно, что господство скифов в степях Северного Причерноморья никак не создавало для лесостепных племен безвыходного положения и не могло препятствовать их торговым связям. Более того, сами скифы нуждались в существовании таких связей, так как были заинтересованы в получении путем мирной торговли многих товаров из Лесостепи и из античных городов.

Странным является и полное молчание письменных источников, которые вовсе не подтверждают завоевание и подчинение степными кочевниками скифами лесостепных племен. Наоборот, Геродот, описывая общую политическую ситуацию времени скифо-персидской войны, совершенно определенно говорит о том, что скифы должны были вести переговоры с независимыми от них племенами [6, III, 118-120].

В поисках какой-то поддержки для своей концепции подчинения степными кочевниками-скифами лесостепных племен В. Ю. Мурзин обращается к широко распространенной легенде о плетке в руках кочевника, которой оказывается достаточно для того, чтобы подчинить противника. Эта легенда видимо, настолько опьянила автора, что он даже не заметил, что в ней речь идет о событиях, которые якобы имели место на совершенно иной территории и не имеют никакого отношения к Лесостепи. Заканчивая свой обзор сюжетов о применении плеток для непокорных, В. Ю. Мурзин все же вынужден был признать, что письменные источники недостаточно информативны для того, чтобы подкрепить тезис о завоевании Лесостепи и пытается найти поддержку в археологическом материале. Однако и тут надежной опоры автор указать не может и все сводит к известному сообщению о том, что с конца VI в. до н.э. заметно увеличение числа скифских погребальных памятников в степях Северного Причерноморья.

Сам по себе этот факт свидетельствует о том, что скифы вынуждены были вести дополнительную борьбу за установление своего господства в степях Северного Причерноморья и эта борьба, видимо, завершилась лишь к концу VI в. до н.э. [7, с.54]. До завершения этой борьбы нет никаких оснований говорить о покорении каких-либо племен Лесостепи. Однако из этого простого факта увеличения числа погребений в Степи неожиданно делается удивительный вывод: «Так постепенно складывались основы первого государственного образования Восточной Европы – северопричерноморской Скифии, объединившей под властьюnomadov различные по происхождению, особенностям хозяйства и быта племена и народы, обитавшие на территории современной Украины» [1, с.33].

Далее оказывается, что, по мнению автора, существовала «потребность внешней эксплуатации, необходимость поддерживать между кочевой ордой и оседлым населением Лесостепи отношения господства и зависимости». При этом совершенно игнорируется тот факт, что археологические данные достаточно ясно показывают независимое от степных кочевников поступательное развитие экономики и культуры лесостепных племен, развитие у них ремесел и торговли, достаточно ясно наблюдаемый процесс социальной дифференциации местного общества и выделение местной аристократии, которой принадлежат богатые лесостепные курганы. Это игнорирование археологических фактов становится возможным благодаря тому, что все более или менее значительные лесостепные памятники просто приписываются скифам. Дело доходит иногда просто до абсурда. Так обстоит с характеристикой оборонительных сооружений.

Никто не может отрицать, что в VII-V вв. до н.э. в Лесостепи создается хорошо продуманная система городищ, защищавших местное земледельческое население от внезапных набегов степных кочевников-скифов. Этот факт плохо увязывается с концепцией Великой Скифии, согласно которой эта территория якобы уже была завоевана степными кочевниками. Вывод автор указанной концепции находит очень простой, но совсем не убедительный: высказывается предположение о том, что эти требовавшие больших затрат городища, сооружали...сами скифы. Даже грандиозное Бельское городище в глубине Лесостепи было якобы единовременно в VII в. до н.э. построено завоевателями скифами, которые срочно мобилизовали для этой цели все местное население. В результате здесь якобы возник город степных кочевников, в котором жила скифская аристократия.

Не беда, что следов такого города степных кочевников никто на Бельском городище не обнаружил, а вопрос о том, от кого скифы (уже покорившие население Лесостепи) должны были защищаться на этом городище (как и на множестве других лесостепных городищах) обходиться молчанием. Наконец, поражает полное отсутствие каких-либо конкретных доказательств переселения скотоводов-кочевников из только что завоеванной благодатной для кочевого скотоводства степи на гораздо худшие для кочевников, но пригодные для земледельцев территории Лесостепи.

Трудно признать также удачной попытку использовать для определения размеров предполагаемой Великой Скифии известный рассказ Геродота о «скифском четырехугольнике» [6, с.212]. Очевидно сейчас уже нет необходимости вновь подробно говорить о том, что «скифский квадрат» Геродота не может служить основой для точного определения территории Скифии, что недавно еще раз убедительно доказал С. В. Полин [8, с.86]. Совершенно ясно, что это лишь художественно-литературный прием Геродота, который он использовал для наглядности изложения. Геродот сам хорошо понимал условность этого обозначения и, видимо, не случайно употребил здесь выражение, которое может быть переведено как условное: «Если принять Скифию за четырехугольник» или «Если бы Скифия имела четырехугольную форму...» [9, с.339, прим 592].

Геродот явно не имел точных ориентиров для определения границ всей Скифии особенно на севере. Впрочем на западе и на востоке эти границы также были не совсем ясны, поэтому неудивительно, что современные исследователи не могут бесспорно определить даже лучше известную причерноморским грекам южную сторону «скифского квадрата» и указывают противоречивые различные размеры.

Многие недоразумения при характеристике скифов и Скифии видимо объясняются тем, что современные скифологи до сих пор некритически используют то представление о скифской культуре, которое выработалось еще в XIX веке, когда благодаря первым раскопанным курганам стали известны конкретные древности раннего железного века. Их поспешно бездоказательно признали древностями скифов, полагая, что именно о них прежде всего рассказывал Геродот. Многие из находок уже тогда были сделаны в Лесостепи, но сведения о жителях этой территории были очень скучными и легче было все находки приписывать скифам. Так сложилось представление о скифском вооружении, об упряжи скифских коней (хотя конница была и у Лесостепных племен), о скифском искусстве «звериного стиля» и т.д.

В то же время современные исследователи обратили внимание на парадоксальную ситуацию. Оказалось, что своеобразная культура, которую принято считать скифской, наиболее ярко прослеживается в эпоху архаики не в степных памятниках Причерноморья, не на территории, где несомненно жили скотоводы-кочевники скифы, а в памятниках Лесостепи [10, с.66].

Естественно было бы предположить, что названная скифская культура формируется вначале у населения Лесостепи и лишь позже ряд общих элементов проникает в степь к степным кочевникам скифам. Однако, вместо этого исследователи стараются объяснить этот феномен либо культурным влиянием скифов, либо непосредственным проникновением степныхnomadov в Лесостепь, хотя это приводит к появлению новых противоречий в изучении Скифии, и к тому, что к скифским относятся явно не скифские и даже вообще несуществующие памятники, например, «Каратульское городище» [11, с.181], валы которого, как доказал М. П. Кучера, относятся к системе средневековых змievых валов [12, с.77-83].

Таким образом, археологические источники ясно свидетельствуют, что в VI в. до н.э. степные скифы были еще слабы. Они не имели возможности завоевать Лесостепь и покорить лесостепных земледельцев так как еще сами должны были закрепиться в степях Северного Причерноморья. Это хорошо объясняется исторической обстановкой.

Вернувшись из Передней Азии, потрепанные в борьбе с мидийцами, потерявшие своих предводителей (а значит и лучше всего вооруженную часть войск) скифы в VII в. до н.э. вынуждены были еще утвердиться на Северном Кавказе, затем в борьбе с киммерийцами овладеть столь желанными для скотоводов-кочевников степями Северного Причерноморья. Вряд ли они были способны вести тогда также борьбу с разнообразными племенами Лесостепи, которые обладали, благодаря наличию собственных ремесленных центров, хорошим вооружением и умели создавать мощные оборонительные сооружения. Кстати, тот же В. Ю. Мурzin еще недавно категорически утверждал, что обитавшие в лесостепи гелоны не входили в политическое объединение скифов [7, с.77]. Теперь ради концепции о Великой Скифии он решил, видимо, пожертвовать сделанным ранее убедительным выводом.

1. Мурзин В. Ю. Основные этапы скифской истории // Великая Скифия, учебн. пособие. – К.; Запорожье, 2002.
2. Мурзин В. Ю., Павленко Ю.В. Формирование раннеклассового общества на территории Украины, препр. – К., 1989.
3. Граков Б. Н. Чи мала Ольвія торгівельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи? // Археологія. – 1947. – Т.1.
4. Болтрук Ю. В. Сухопутные коммуникации Скифии // СА. – 1990. – №4.
5. Sramko B. A. Die osteuropäische Steppe und Waldsteppe in ihren wechselbeziehungen während der Frühen Eisenzeit // Archaeologische mitteilungen aus Iran. – Band 25. – Berlin, 1992.
6. Геродот История в 9 книгах. Пер. Г. А. Стратановского. – Л., 1972.
7. Мурзин В. Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. – К., 1990.
8. Полин С. В. О походе Дария в Причерноморскую Скифию // Древности скифов. – К., 1994.
9. Доватур А. И., Калистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. – М., 1982.
10. Скорый С. А. Племена Восточноевропейской Лесостепи в скифскую эпоху // Великая Скифия. – К.; Запорожье, 2002.
11. Мурзин В. Ю. Ролле Р. А. Скіфські міста в Лісостепу // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. – Полтава, 1996
12. Кучера М. П. Вівчення пам'яток давньоруського часу на території УРСР // Археологія. – К., 1978. – Вип.26.